

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА Ф. И. БУСЛАЕВА

Ю П УЛЯНОВ

(Közlésre érkezett: 1977. január 31.)

Федор Иванович Буслаев — выдающийся русский филолог. Ему принадлежит целый ряд замечательных работ в области языкознания, истории русской литературы и устного народного творчества (былинного эпоса), а также в области древнерусского искусства. Эти труды в свое время составили эпоху в русской науке и в известной мере не утратили своего значения до сих пор.

Вопросами языкознания Ф. И. Буслаев занимался главным образом в первый период своей научной деятельности (40—60-е годы XIX века). Основательную подготовку по языкознанию Ф. И. Буслаев получил еще во время обучения в Московском университете. Уже здесь, а также в первые годы по окончании университета Буслаев изучает целый ряд языков, как древних, так и современных. В университете учителями Буслаева были И. И. Давыдов, М. П. Погодин, С. П. Шевырев и др. По поручению проф. И. И. Давыдова Буслаев, будучи студентом, переводит "Общую грамматику" французского филолога Дю-Саси в немецкой переделке И. С. Фатера (изд. в Галле и Лейпциге в 1804 г.) и дополняет ее примерами из русских и старославянских памятников письменности. Впоследствии Ф. И. Буслаев вспоминал: "Эту книгу я перевел всю сполна и добавил грамматические подробности Дю-Саси и Фатера русскими и церковнославянскими".¹ Для проф. С. П. Шевырева Буслаев составил систематический свод грамматик М. Смотрицкого, М. В. Ломоносова, академической грамматики 1802 г., грамматик Н. И. Греча и А. Х. Востокова, грамматики старославянского языка И. Добровского. В библиотеке проф. М. П. Погодина Буслаев изучает древние памятники по рукописям. Еще студентом Буслаев знакомится также с достижениями западноевропейской лингвистики.

В 1844 г. Буслаев издает книгу "О преподавании отечественного языка", которую акад. А. А. Шахматов считал самой увлекательной книгой о русском языке.

В 1858 г. Буслаев издал "Опыт исторической грамматики русского языка". Грамматика эта является исторической по материалу, но по своим теоретическим положениям и определениям она логическая. В

¹ Ф. И. Буслаев, Мои воспоминания, М., 1897, стр. 131.

дальнейшем этот труд, подвергшийся некоторой переработке, издавался под названием "Историческая грамматика русского языка" /последнее издание вышло в 1959 г./.

Из основных лингвистических трудов Буслаева следует назвать рецензии на лингвистические труды Г. П. Павского "Филологические наблюдения над составом русского языка"/, К. С. Аксакова "О русских глаголах"/, И. И. Срезневского. "Мысли об истории русского языка"/. В 1861 г. Буслаев издает "Историческую хрестоматию церковнославянского и древнерусского языков", а в 1869 г. выходит "Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской".

В начале 60-х годов Буслаев отходит от проблем языкознания и занимается главным образом древнерусской литературой и устным народным творчеством.

Понимание и оценка лингвистических взглядов Ф. И. Буслаева не возможны без учета исторического фона, на котором возникла и сложилась его общелингвистическая концепция.

Лингвистическая деятельность Ф. И. Буслаева началась в тот период, когда в европейском языкознании наметилось значительное оживление. В связи с общим подъемом национального самосознания в первой половине XIX в. повышается интерес к развитию культуры каждого отдельного народа, в том числе и к языку как к форме "национального духа". В это время в языкознании утверждается новый и чрезвычайно плодотворный сравнительно-исторический метод, основы которого были заложены в трудах Ф. Боппа, Р. Раска, Я. Гримма, А. Х. Востокого. Большое влияние на развитие европейского языкознания этого времени оказали также идеи В. Гумбольдта о языке как непрерывном творческом процессе и вместе с тем как о целом, все части которого связаны между собой. О своем впечатлении о работах Ф. Боппа, В. Гумбольдта и особенно Я. Гримма Ф. И. Буслаев писал в книге "Мои воспоминания": "Вместе с капитальным исследованием Вильгельма Гумбольдта о сродстве и различии индо-германских языков я изучал сравнительную грамматику Боппа... Но особенно увлекся я сочинениями Якова Гримма и с пылкой восторженностью молодых сил читал и зачитывался его исторической грамматикой немецких наречий, его немецкой морфологией, его немецкими юридическими древностями. Этот великий ученый был мне вполне по душе. Для своих неясных, смутных помыслов, для искания оцупью и для загадочных ожиданий я нашел в его произведениях настоящее откровение."²

В своих лингвистических исследованиях Ф. И. Буслаев опирался также на значительные к тому времени достижения в области славянского языкознания. В трудах известных славистов /И. Добровский, А. Х. Востоков, В. Копитар, П. И. Шафарик, Ф. Миклошич/ ставились и находили определенное решение проблемы исторического изучения фонетики и грамматического строя отдельных славянских языков и славянских языковых групп, а также вопросы о происхождении и судьбах старославянского языка как общего источника при изучении отдельных славянских языков. Все это позволило Ф. И. Буслаеву рассматривать русский язык на фоне других славянских языков.

² Там же, стр. 281.

Деятельность Ф. И. Буслаева как исследователя русского языка определилась также развитием русского языкознания первой половины XIX века и успехами, достигнутыми русскими учеными в этой области. В этот период в русском языкознании продолжается начатое ещё М. В. Ломоносовым изучение грамматического строя русского литературного языка, а также ставятся вопросы, связанные с историей языка.

Под влиянием изучения отечественной и зарубежной филологической литературы у Ф. И. Буслаева выработалась своеобразная роман- тико — историческая концепция на развитие языка. Ф. И. Буслаев представлял себе систему языка следующим образом: "Язык можно уподобить какому-нибудь старинному городу, в котором остатки дох- ристианских развалин перестроены частью в храмы, частью в жилые дома, и в котором, рядом с античным, греческим или римским порта- лом, уютно и скромно стоят хижины новейшего изделия. Описать такой город — значит изложить его историю."³ Язык, как видим, Ф. И. Бус- лаев понимает как мирно сосуществующую смесь разновременных явлений.

Романтическая идеализация старины сказалась во взгляде на нее не как на "одно отжившее", но и как на "основу всему последующему". "Историзм Ф. И. Буслаева был не только условен, но и лишен социоло- гических основ. В историко-романтической концепции Ф. И. Буслаева разные стороны истории русского языка приспособлялись и повертыва- лись к общим тенденциям развития всякого языка вообще",⁴ — пишет акад. В. В. Виноградов.

Ф. И. Буслаев не удовлетворяли современные ему теории и дос- тижения философской грамматики, которая, по его мнению, "легко применяется ко всякому языку". Однако во всеобщей, или философс- кой, грамматике Буслаев находил и достоинства: 1/ взгляд на язык как на "органическое, живое и целое произведение духа человеческого; 2/ признание теснейшей, неразрывной связи между этимологией и син- таксисом; 3/ точнейшее определение частей речи; 4/ систематическую разработку синтаксиса".⁵ Но эта грамматика односторонне освещает и обобщает явления языка. "Она видит в языке только одну логику, опуская всю многосторонность народной жизни".⁶

Ф. И. Буслаев считал основным направлением русского языкозна- ния направление М. В. Ломоносова и отрицательно относился к грам- матическим работам Н. И. Греча. Буслаев⁷ писал: "Ни свойства русс- кого языка, ни историческое его развитие не давали русскому грамма- тисту права принимать в образец схоластическую методу французов. Как нельзя лучше понимал это еще Ломоносов, положив в основу своей грамматики чисто народные и своеземные начала...". "К сожалению,

³ Рецензия на "Мысли об истории русского языка" И. И. Срезневского. — "Отечест- венные записки", 1850, № 10, стр. 142.

⁴ В. В. Виноградов, Из истории изучения русского синтаксиса /от Ломоносова до По- тебни и Фортунатова, изд. МУ., 1958, стр. 225.

⁵ Ф. И. Буслаев, О преподавании отечественного языка, М., 1844, стр 3—4.

⁶ Там же, стр. 8.

⁷ Ф. И. Буслаев, О преподавании русского языка и словесности. — "Отечественные записки", 1856, кн. 12, стр 332—333.

г. Греч не только не последовал примеру великого преобразователя нашего языка и слога, но даже не почел нужным, через Ломоносова, признать за русской грамматической какие бы то ни было своеземные, народные предания. Не от Лаврентия Зизания, Смотрицкого, Ломоносова ведет он историю нашей филологии, а прямо от французов и немцев...". "Ни забыть о грамматике Ломоносова, ни отказаться от нее грамматист русский не может и не должен". По мнению Буслаева, филологическая, или практическая, грамматика устанавливала правила употребления книжной и устной речи, но не изучала законов языка. В "Предисловии к "Опыту исторической грамматики русского языка" Буслаев писал: "Она ограничилась речью писателей образцовых, преимущественно ближайших к современности, признав грубым, неправильным и недостоинным все то, чего не находила у них".^{8/} "Поэтому грамматика Ломоносова должна была уступить место руководствам, принявшим за образец речь карамзинскую; но дальнейшие успехи нашего языка в сочинениях Грибоедова, Крылова, Пушкина, уже не нашли себе оправдания в этих руководствах; вследствие чего, первый, художник и знаток русского слова, Пушкин увидел себя в страшном противоречии со многими параграфами принятой в его время грамматики".^{9/}

Старая практическая грамматика учила "тому, как должно употреблять грамматические формы родного языка, а не тому, как они действительно употребляются писателями образцовыми".^{10/}

В „новой лингвистике“, которая ставила своей задачей изучение языка как особого явления и законов его развития, сложилась сравнительная и историческая грамматика /Я. Гримм, Ф. Бопп, В. Гумбольдт и др./

По мнению Буслаева, попытка К. Беккера создать "округленную систему" на основе философской грамматики с привлечением отдельных достижений сравнительной лингвистики в общем не удалась: "Ограничившись общими понятиями о выражении мысли в формах языка, Беккер все внимание обратил на синтаксис, коснувшись этимологии слегка, только для полноты системы. Вследствии того, его синтаксис, не будучи основан на этимологическом разборе форм, оказался не наукою о языке, а отвлеченным рассуждением о применении законов логики к готовому материалу языка".^{11/}

Эти оценки существующих грамматик как бы определили содержание, цели и задачи "Опыта исторической грамматики русского языка" Ф. И. Буслаева: 1/ историческая грамматика ведет изучение русского языка в непрерывной связи с изучением церковнославянского языка; 2/ все свои выводы историческая грамматика основывает на данных не только письменных, но и устных памятников языка; 3/ в основе изучения языка лежит "подробный этимологический разбор форм языка, для того, чтобы из этого разбора извлечь грамматические законы, понятные и убедительные в теоретическом отношении, и, вместе с

^{8/} Ф. И. Буслав, Историческая грамматика русского языка, М., 1959. стр. 565.

^{9/} Там же, стр. 566.

^{10/} Там же, стр. 569.

^{11/} Там же, стр. 572.

тем, применительные к практике", „а в синтаксисе стремится определить правильнейшее отношение отвлеченных приемов логики к формам языка";^{12/} 4/ историческая грамматика соединяет филологический способ изучения языка с лингвистическим.

"Историческая грамматика русского языка", по замыслу Ф. И. Буслаева, должна была представлять собой учебник для средних учебных заведений, но из-за сложности содержания не была использована в школе. Эта работа не является систематической исторической грамматикой русского языка, так как Буслаев и не ставил перед собой такой задачи. Грамматика названа исторической только по использованному автором методу, но по своим теоретическим положениям она логическая. "Историческая грамматика русского языка" Ф. И. Буслаева — это грамматика русского литературного языка с историческими комментариями явлений современного для Буслаева строя русского языка.

I. СИСТЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ У Ф. И. БУСЛАЕВА

Ф. И. Буслаев в "Исторической грамматике русского языка" учение о частях речи излагает в "Синтаксисе", полагая, что "образование как частей речи, так и изменений их основывается на законах синтаксических, ибо совершается по требованию мысли: следовательно, только в предложении получают свое значение отдельные слова и их окончания и приставки".^{13/}

Буслаев выделяет в языке девять частей речи: глагол, имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие, предлог, союз и междометие. Междометие вслед за своими предшественниками Буслаев выделяет в "особый отдел": "Междометие, по значению своему представляет особый отдел, потому что выражает не логические отношения и не разнообразие предметов речи, а ощущения говорящего; по образованию же относится либо к знаменательным, напр. о горе, спасибо; либо к служебным, напр. и, а, ну и пр."^{14/}

Остальные части речи он делит на знаменательные и служебные. "Знаменательными словами, — пишет Буслаев, — язык выражает разнообразие впечатлений, производимых природою и жизнью на человека; служебными — отвлеченные понятия и отношения лица говорящего к слушающему и к предмету речи".^{15/}

К знаменательным частям речи Буслаев относит имя существительное, имя прилагательное и глагол, к служебным — местоимение, имя числительное, предлог, союз и вспомогательные глаголы. Наречия по этой классификации, как и глагол, попадают в две группы: наречия, образованные от служебных частей речи /здесь, там, дважды, относятся к служебным частям речи, а образованные от знаменательных /внове, наискось/ — к знаменательным частям речи. Таким образом, членение слов на знаменательные и служебные не совпадает у Буслаева

^{12/} Там же, стр. 576.

^{13/} Там же, стр. 21.

^{14/} Там же, стр. 287.

^{15/} Там же, стр. 287—288.

с их делением по частям речи, так как наречия и глаголы он распределил между знаменательными и служебными частями речи.

Весьма интересно наблюдение Буслаева над закрытым характером списка служебных слов и открытым характером списка глаголов, существительных, прилагательных, наречий знаменательных, которых, по его словам, "в языке бесчисленное множество". Очень верно замечание Буслаева и о том, что "слова знаменательные исчисляются в словаре, служебные, ограниченные числом, — в грамматике".^{16/} Важно и наблюдение Буслаева над редкостью заимствования служебных слов.

Наиболее важным в отношении определения частей речи является утверждение Буслаева о том, что "для того чтобы составить себе полное понятие об отдельных словах, употребляемых в речи, должно их рассмотреть в двояком отношении: А/ в отношении к словарю и Б/ в отношении грамматическом.

В первом отношении обращается внимание на выражение представлений и понятий в отдельном слове; в последнем на значение и принадлежности каждой речи в отдельности."^{17/}

Это положение является, по существу, ключевым для определения понятия частей речи в современном языкознании. В этом и заключается тот довольно весомый вклад Ф. И. Буслаева в историю учения о частях речи в русской грамматической науке.

Принято считать, что в грамматической системе Ф. И. Буслаева лишь подводились итоги логико-грамматического направления. Но позиция Буслаева в действительности была сложнее, чем простое следование традициям логического направления. Он прекрасно понимал и правильно оценивал слабые стороны этого направления и стремился их преодолеть. В своей работе "О преподавании отечественного языка" он подверг критике логическую грамматику, которая механически использует "логические начала" и принципы, "ищет суцность вещей не в самом языке". При определении различных грамматических категорий Буслаев использует не только логические, но и морфолого-синтаксические критерии. Буслаев неоднократно подчеркивал, что язык "подчиняется не столько законам логики, сколько законам самого выражения". Буслаев называл их "внутренними законами развития языка".^{18/}

Однако Буслаев не смог до конца преодолеть противоречие между логикой и грамматикой, между логическим и грамматическим подходом к явлениям языка. Во многом Буслаев следует уже сложившейся грамматической традиции, но в традиционную грамматическую схему он вносит некоторые изменения. Так, классификация частей речи пополняется у Буслаева за счет выделения как самостоятельной части речи числительного; более отчетливо, чем в предыдущих грамматиках, ставится вопрос о делении частей речи на знаменательные и служебные. Основным критерием выделения служебных частей речи для Буслаева являются не собственно грамматические признаки /в первую очередь синтаксическое употребление/, а отсутствие конкретных лекси-

^{16/} Там же, стр. 288.

^{17/} Там же, стр. 289.

^{18/} Там же, стр. 506.

ческих значений. Это послужило причиной ошибочного отнесения к служебным частям речи местоимения, местоименного наречия, числительного и глагола-связки.

2. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА Ф. И. БУСЛАЕВА

Синтаксическая система Ф. И. Буслаева в основе своей логическая. Несмотря на то, что Буслаев неоднократно писал об опасности смешения понятий логики и грамматики при анализе фактов языка, его "Историческая грамматика русского языка" не свободна от подобных смешений. Логический подход Буслаева к синтаксису сказался прежде всего в определении предложения: "Суждение, выраженное словами, есть предложение". "Вся сила суждения, — утверждает Буслаев, — содержится в сказуемом. Без сказуемого не может быть суждения. Отсюда понятно, почему в языке есть предложения, состоящие только из сказуемого, без явно обозначенного подлежащего, каковы все, так называемые, безличные глаголы; напр., хочется, нельзя, нездоровится и проч.; но нет ни одного предложения, которое состояло бы только из подлежащего".^{19/}

Центром предложения для Буслаева является сказуемое, которое обязательно выражается глаголом: "Собственная и первоначальная этимологическая форма сказуемого есть глагол".^{20/} "Так как глагол составляет в предложении сказуемое, то учение о синтаксическом употреблении глагола будет вместе с тем и синтаксисом сказуемого".^{21/}

Исходя из того, что в суждении присутствуют обычно два члена, Буслаев рассматривает все типы предложения как двусоставные /в том числе и безличные/, совершенно отрицая именной тип предложений, т. е. тип безглагольных предложений. Буслаев пытается свести все другие типы предложений в русском языке к двусоставным, характеризуя их как восходящие к глагольным и получившиеся в результате сокращения или опущения глагола.

Уже А. А. Потебня находил в учении Буслаева о предложении двойственность, столкновение логической и грамматической точек зрения: "Дается определение предложения, заимствованное из логической грамматики, не заключающее в себе определения глагола, с таким же основанием применимое к языкам, вовсе не имеющим глагола, как и к нашему. Затем из наблюдения сообщается, что наше предложение без глагола невозможно. Если придать надлежащий вес последнему, то окажется, что первое определение предложения пусто и должно быть выкинуто; но этого не делают и тем производят туман".^{22/}

Буслаев считает, что логический состав предложения следует отличать от грамматического. С логической точки зрения в предложении только два члена — подлежащее и сказуемое. С грамматической точки зрения в предложении выделяются, кроме главных членов, другие слова,

^{19/} Там же, стр. 258.

^{20/} Там же, стр. 271.

^{21/} Там же, стр. 343.

^{22/} А. А. Потебня, из записок по русской грамматике, т. I—II, Учпедгиз, М., 1958, стр. 71

которые их объясняют и дополняют, так называемые второстепенные члены предложения.

В "Исторической грамматике русского языка" Ф. И. Буслаев дал развернутое учение о второстепенных членах предложения. Он писал: "Подлежащее и сказуемое именуются главными членами предложения, в отличие от других слов, которые их объясняют и дополняют, и называются членами второстепенными. Второстепенные члены предложения рассматриваются в двояком отношении: 1/ по синтаксическому употреблению и 2/ по значению".^{23/}

Разъясняя эту двойную классификацию второстепенных членов предложения, Булслаев писал: "По синтаксическому употреблению они суть не что иное, как слова, присоединяемые к главным членам предложения посредством согласования или управления. Присоединяемые посредством согласования именуются словами определительными; посредством управления — дополнительными... Сверх определительных и дополнительных, должно отличать еще такие члены предложения, которые не состоят в видимой синтаксической связи с словами, к которым присовокупляются, т. е. не согласуются и не управляются, напр., "очень хороший", "идти в город", "идти из городу". Такие слова именуются обстоятельственными".^{24/} У Буслаева, таким образом, получается: определения — это слова согласуемые, дополнения — слова управляемые, обстоятельства — слова несогласуемые и неуправляемые, т. е. примыкающие /термин, "примыкание" впоследствии был введен А. М. Пешковским/.

Характеризуя второстепенные члены по значению, Буслаев пишет: "Определительные присовокупляются к другим словам для означения признаков, по вопросам: какой? чей? который? сколько?... Эти слова или согласуются с своими определяемыми, или не согласуются"^{25/} /примеры: добрый человек, эту книгу, восход солнца, человек пожилых лет и др./ "Дополнительными словами означаетсся отношение действия к предмету, который подлeжит действию, и к лицу действующему. Эти отношения выражаются помощью косвенных падежей, как без предлогов, так и с предлогами, т. е. в управлении непосредственным и посредственным"^{26/} /примеры: освещено солнцем, любовь родителей/. "Слова обстоятельственные употребляются в предложении для означения обстоятельств места, времени, образа действия или качества, меры и счета, причины".^{27/} К каждому виду обстоятельств Буслаев приводит соответствующие вопросы и примеры. При этом он указывает, что обстоятельственные слова "или 1/ сочиняются посредством управления с теми, к которым присоединяются, или же 2/ не состоят с ними в видимой синтаксической связи".^{28/}

Предложенная Буслаевым двойная классификация допускает отнесение одного и того же второстепенного члена в разные разряды. Отсутствие единства в своей классификации второстепенных членов предложения отмечал и сам Буслаев: "Напр., в выражениях: "во-йти в го-

^{23/} Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, М., 1959, стр. 273.

^{24/} Там же, стр. 273.

^{25/} Там же, стр. 274.

^{26/} Там же, стр. 274.

^{27/ 28/ и 29/} Там же, стр. 275.

род", "вы-ехать из города", "пере-ходить через мост", в город, из города и через мост, по значению, суть обстоятельства места, по управлению же — слова дополнительные, выражающие свою зависимость от глаголов соответствием предлогов в, из и через предлогам во-, вы- и пере-, с которыми сложены слова во-йти, вы-ехать и пере-ходить".^{29/}

С развернутой критикой учения Буслаева о второстепенных членах предложения в свое время выступил А. А. Потехня см. в его работе "Из записок по русской грамматике", т. I—II, раздел "Трудности при определении предложения и его членов"/. Потехня писал: "К сбивчивости определений второстепенных членов логика непричастна, потому что второстепенных членов она вовсе не знает".^{30/}

Положительным в учении Буслаева о второстепенных членах предложения является его стремление сочетать анализ смысловой стороны речи с анализом грамматических форм ее выражения. Однако внутреннее противоречие лишило созданную им логико-грамматическую систему необходимого единства. В дальнейшем в школьном преподавании больше использовалась его классификация второстепенных членов по значению /она не изжита и теперь/, тогда как в теоретических исследованиях больше внимания привлекала классификация, основанная на синтаксическом употреблении второстепенных членов.

Описание форм и типов словосочетаний Ф. И. Буслаев включает в характеристику структуры предложения и его членов, т. е. растворяет учение о словосочетании в учении о членах предложения.

Речь, отмечает Буслаев, может состоять или из отдельных предложений или из предложений, соединенных одно с другим. "Из совокупности двух или нескольких предложений составляется предложение сложное, так называемое в отличие от простого, не соединенного с другим".^{31/}

Соединение предложений происходит по способу сочинения, если соединяемые предложения "не входят одно в другое, в виде отдельной части, и остаются самостоятельными" /на бога надейся, а сам не плошай/. Соединение предложений происходит по способу подчинения, если одно предложение "составляет часть другого" /кто осторожен, тот редко ошибается/. "Предложение, составляющее часть другого предложения, именуется придаточным, а то, в которое придаточное входит как часть, именуется главным".^{32/}

Классификацию сложноподчиненных предложений Буслаев строит на уподоблении сложноподчиненного предложения в целом простому, а придаточных предложений — членам предложения. "Каждый из членов главного предложения, кроме сказуемого, может быть выражен предложением придаточным". Напр., определение: "интересно беседовать с человеком, который многое испытал" /=^{33/} с человеком опытным/.

Буслаев выделяет следующие типы придаточных предложений: подлежащее, дополнение, определение, обстоятельство /места, времени, образа действия, меры и счета, причины, условия/. И лишь „собственно сказуемое, т. е. глагол, никогда не может терпеть этой замены" при-

^{30/} А. А. Потехня, Из записок по русской грамматике, т. I—II, Учпедгиз, М., 1958, стр. 81.
^{31/} и ^{32/} Там же, стр. 279.

даточным предложением. "Но так как при глаголе, именно при существительном быть употребляются определительные и обстоятельственные речения, составляющие вместе с ним сказуемое составное; то эти речения, могут заменяться и объясняться придаточным предложением; напр., в предложении: "истинно благотворительный человек есть тот, который делает добро не из тщеславия", придаточное служит определением не целому сказуемому есть тот и не глаголу есть, а подразумеваемому слову человек, при определительном тот, т. е. — есть тот человек, который и т. д."^{33/}

Буслаеву принадлежит учение о сокращении и слиянии предложений. Придаточные предложения, по своим функциям однородные с членами простого предложения, легко сокращаются в них, т. е. в отдельные члены предложения, путем образования от той же основы что сказуемое сокращаемого предложения, имени существительного, сложного прилагательного, причастия, деепричастия, инфинитива. Например: Когда восходит солнце, небо бывает прекрасно = при восходе солнца небо бывает прекрасно; Кто много трудится, устает = много трудящийся устает; Когда усердно работаешь, тогда не замечаешь течения времени = усердно работая, не замечаешь течения времени.^{34/}

По мнению Буслаева, сокращение предложений создает более отвлеченный стиль речи, т. к. глагол конкретнее, нагляднее и "первобытнее" имени, которое всегда вносит оттенок отвлеченности. Ф. И. Буслаев считает, что переход глагола в существительное составляет одну из важнейших особенностей языка русского, как древнего и народного, так и позднейшего, письменного".^{35/} Именно этим переходом в имя существительное Буслаев и пытался объяснить наличие в русском языке значительного числа именных конструкций, которые таким путем возводились к глагольным /мочи нет=не здоров, старинное: не могу/.

Учение о так называемых сокращенных придаточных предложениях известно в России еще с XVIII в. из философской, или всеобщей, грамматики. Своим происхождением, по мнению А. А. Потебни, оно обязано ошибочной теории, что "если логическому суждению соответствует не предложение, а член предложения, то это произошло лишь вследствие некоторого помрачения закона /суждение = предложение/, который некогда господствовал во всей силе".^{36/} Кроме того, учение Буслаева о сокращении предложений опирается на ложную гипотезу, будто глагольный строй предложения предшествует именному — более отвлеченному и позднему. Акад. В. В. Виноградов пишет: "Известно, что теория "сокращения" предложений несостоятельна с исторической точки зрения. Она смешивает стилистические варианты выражений, генетически восходящие к разным синтаксическим конструкциям, с последовательными историческими этапами развития строя предложения".^{37/}

33/ Там же, стр. 280.

34/ Там же, стр. 281—282.

35/ Там же, стр. 516.

36/ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II. Учпедгиз, М., 1958, стр. 122.

37/ В. В. Виноградов, Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова), изд. МУ. 1958, стр. 239.

Теоретические позиции Ф. И. Буслаева в области грамматики сейчас сильно устарели, в ряде основных положений его грамматическая система уже не может в настоящее время выдержать научной критики /учение о предложении как суждении, о сокращении, о сложноподчиненном предложении и второстепенных членах/. Однако синтаксическая система Ф. И. Буслаева надолго определила приемы построения и изучения синтаксиса русского языка в школе. Традиции буслаевской грамматики не изжиты и по сей день. Они сильны не только в школьной учебной, но и научной литературе по русскому языку.

F. I. BUSZLAJEV GRAMMATIKAI RENDSZERE

ULJANOV J. P.

Jelen cikk F. I. Buszlajev, a kiváló orosz filológus grammatikai rendszerét vizsgálja. Buszlajev neve nagyszerű munkák egész sorát fémjelzi a nyelvészet, az orosz irodalom története és a népköltészet terén. Művei megírásuk idején új korszakot nyitottak az orosz tudományban, és jelentőségüket napjainkig megőrizték.

Nyelvészeti kérdésekkel Buszlajev főképpen tudományos tevékenységének első periódusában foglalkozott (a XIX. sz. 40–60-as éveiben). Nyelvészeti szemléletének megértése, értékelése elválaszthatatlan a történelmi háttér figyelembevételétől. Az orosz nyelv e kutatójának tevékenységét nagymértékben meghatározta az orosz nyelvészet fejlődése a XIX. sz. első felében és az orosz nyelvészek e területen végzett munkásságának eredményessége. Ebben az időben az orosz nyelvészetben folytatódik az a kutatás, amelyet még M. V. Lomonoszov kezdett el az orosz irodalmi nyelv rendszerének tanulmányozása terén, valamint a nyelvtörténeti kérdések felvetése. F. I. Buszlajev szerint az orosz nyelvészet elsősorban M. V. Lomonoszov irányzatán alapul. Ez határozta meg a tartalmat, a célt és a feladatokat „Az orosz nyelv történeti nyelvtanának tapasztalatai” (1858) című művében. Ez a nyelvtan anyagát tekintve történeti, de elméleti alaptételei és megállapításai szerint logikai. A későbbiekben e művet kisebb változásokkal „Az orosz nyelv történeti nyelvtana” címmel adták ki (legutoljára 1959-ben).

Jelen cikk két fontos kérdés vizsgálatával foglalkozik:

1. A névszók rendszere F. I. Buszlajevnél

2. F. I. Buszlajev szintaktikai rendszere.

Bár úgy tartják, hogy Buszlajev grammatikai rendszerében csak a logikai-grammatikai irányzat következtetéseit lehet felfedezni, valójában az ő álláspontja nem volt ilyen egyszerű. Jól látta ezen irányzat gyenge pontjait, de mégsem tudta végérvényesen megszüntetni a logika és a grammatika, a nyelv jelenségeinek logikai és grammatikai megközelítése közötti ellentmondásokat. Teoretikai nézetei a nyelvtanban elévültek, grammatikai rendszere megállapításait tekintve ma már nem állja ki a tudományos kritikát (pl. a mondatról, mint ítéletről alkotott tanítása az alárendelt összetett mondatról és a másodrendű mondatrészekről vallott elképzelése).

F. I. Buszlajev szintaktikai rendszere mégis sokáig meghatározta az orosz nyelv mondatának tanítását. Grammatikájának hagyományai mind a mai napig élnek, és hatnak nemcsak az iskolai tanításban, hanem az orosz nyelv tudományos irodalmában is.